

ОГЛАВЛЕНИЕ

.....

1	Уильям Сомерсет Моэм	
	Индокитай	7
2	Джозеф Конрад	
	Борнео.....	37
3	Редьярд Киплинг	
	Индия.....	67
4	Джордж Оруэлл	
	Бирма.....	95
5	Александра Давид-Неэль	
	Тибет.....	121
6	Марта Геллхорн	
	Китай.....	147
7	Грэм Грин	
	Вьетнам.....	177
8	Ману Легинече	
	Филиппины	209
9	Николя Бувье	
	Япония.....	241
10	Тициано Терцани	
	Таиланд.....	269

1

УИЛЪЯМ СОМЕРСЕТ МОЭМ

Индокитай

Возможно, мы путешествуем ради того, чтобы не наскучить самим себе. Слишком уж много времени человеку приходится проводить в компании со своим «я»: изо дня в день наблюдать, как оно повторяет одни и те же слова, совершает те же ошибки, встречается с теми же друзьями и родственниками, курсирует между домом, работой, тренажерным залом и квартирой тестя с тещей. Моэм говорил, что часто устает от себя — это утверждение кажется довольно странным, если звучит из уст человека, который успел побывать врачом, исследователем, писателем и агентом британской разведки, поддерживал любовные связи и с женщинами, и с мужчинами и чем только не увлекался за свою жизнь — от искусства и архитектуры до тенниса. И все же лишь странствия по неизведанным местам, общение с непохожими на себя людьми, ощущение свободы от уз и оков повседневности позволяли ему не застыть — и все время меняться.

«Я всегда возвращаюсь домой другим человеком», — писал он.

Говоря о путешествиях, Уильям Сомерсет Моэм (1874–1965) подразумевал нечто совсем непохожее на сегодняшний массовый туризм, который едва ли в состоянии изменить человека. Современный турист — существо стадное. Он селится в шикарных отелях, закупается сувенирами в точно таких же торговых центрах, как и у себя дома, и, нарядившись туземцем, фотографируется на память — хотя настоящих местных жителей и в глаза-то не видел. Зато он готов

рискнуть жизнью, лишь бы выложить красивое фото в социальных сетях. Пару лет назад мне довелось оказаться в Порто-фино, в районе утесов, с которых открывается вид на Геную; там я увидел семейство, которое жаждало запечатлеть себя на фоне заката, но все никак не могло придумать, где бы им встать так, чтобы выглядело «покрасивее». Кончилось тем, что мать взяла ребенка на руки, вытянула их над обрывом — и спросила отца, все выбиравшего ракурс получше: «А может, так?» У меня на мгновение дух перехватило. Да, вероятность того, что малыш выскользнет из рук матери, была невелика, однако же... Стоило ли так рисковать ради одной красивой фотографии? «Надо быть последним глупцом... чтобы рассчитывать, будто внешний мир в состоянии развеять скуку»*, — сказал бы этим людям Сомерсет.

Путешествие — в понимании искателей приключений прошлого — длилось месяцами, подразумевало долгие дни ожидания из-за размытых муссонными ливнями дорог и регулярное употребление чистого джина для профилактики малярии. Неудачным оно считалось не потому, что в отеле не работал кондиционер, а — в первую очередь — если вам не повстречались удивительные люди и с вами не произошло ничего необычного. И с какими бы тяготами вы ни столкнулись на своем пути, следовало сохранять чувство собственного достоинства — особенно если вы, как в случае Сомерсета Мозма, сын великой империи. Британский автор отправился в Азию в 1923 году, сорокадевятилетним. В сопровождении свиты из поваров, слуг и носильщиков — успехи в течение предшествующего десятилетия принесли ему статус самого высокооплачиваемого писателя в мире — он проехал по Бирме, Сиаму и Индокитаю и рассказал об увиденном в книге путевых очерков «Джентльмен в гостинной».

* Перевод А. Ливерганта.

Посетив пагоду Шведагон и храмы Пагана, автор сел на пароход, который доставил его по Иравади до Мандалая. Это был один из самых легких этапов путешествия — дальше Моэма ждали дикие и негостеприимные места. Сойдя на берег, он продолжил путь на мулах по непроходимым дорогам бирманского штата Шан: «Грязь доходила до колен, мы ползли как черепахи». Путешественников обступили окутанные туманами джунгли, им не раз казалось, что они сбились с пути. Моэму и его сопровождающим пришлось переплывать не отмеченные на картах реки на сколоченных из подручного материала бамбуковых плотках, останавливаться в глухих деревнях, жители которых никогда не встречали белых людей, зато верили в злых духов и темные силы. Дорога до каждого следующего города занимала несколько дней — но и там, впрочем, тоже не удавалось обнаружить даже намек на цивилизацию. Где-то путники меняли мулов на рикш, где-то пересаживались с лошадей на волов, иногда брели пешком. На один только переход между Таунджи, южной столицей штата Шан, и Чёнгтуном они потратили двадцать шесть дней. Моэм спешил добраться до королевства Сиам, пересечь его границу и углубиться в земли, на которых теперь располагается северная часть Таиланда. Здесь продвигаться вперед стало легче: пейзаж, «усеянный живописными деревеньками», радовал глаз, появилось что-то похожее на дорогу, пусть раскисшую и разбитую. Моэм, наконец, смог хотя бы ненадолго слезть с вьючных животных, на которых невозможно было, даже при самом благоприятном раскладе, продвигаться больше чем по двадцать километров в день, и пересест на четырехколесный транспорт. «В тени пальм, бликуя на солнце, меня ждал мощный и надежный, но при этом совершенно непритязательный красный “форд”». Британец, намеренно выбиравший дороги, лежавшие в стороне от основных путей, с восторгом описывал, как ехал со скоро-

стью двенадцать километров в час, сопровождаемый встревоженными взглядами крестьян. Они впервые видели автомобиль и еще не догадывались, какие перемены он предвещает. При этом, куда бы ни направлялся Моэм — в гости к туземцам или на шестичасовой коктейль в бангкокском отеле Oriental на берегу реки Чаупхрая, выглядел он всегда ровно так, как и полагается настоящему английскому джентльмену: трубка, аккуратно постриженные усы, костюм с жилетом, платочек в нагрудном кармане.

Кстати, в Oriental — уже тогда это был подлинный оазис Юго-Восточной Азии — есть номер люкс, названный в честь Моэма. Возможно, так руководство отеля решило отблагодарить великого писателя за то, что тот любезно воздержался от того, чтобы умереть в его стенах, хотя и был буквально на волосок от этого. Едва заселившись в номер, Моэм почувствовал, что его лихорадит. Даже прохладный ветерок, веявший с Чаупхраи, не приносил ему облегчения. Писатель жаловался на головную боль и гадал, не отравился ли чем. Ему померили температуру, она оказалась за сорок. За несколько дней до того, на пути к Сиаму, комендант одного небольшого городка настоял, чтобы Моэм, обычно спавший в палатке с москитной сеткой, переночевал в лучшей комнате комендантского дома. Там он и подхватил малярию. В полубреду Моэм слышал, как хозяйка Oriental мадам Мэр требовала у врача, чтобы тот забрал писателя в больницу: «Я не могу позволить ему умереть здесь, понимаете?» Едва живой, Моэм не стал возмущаться, вполне понимая опасения женщины: столь именитый покойник в самом деле мог немало навредить ее предприятию.

Оправившись от болезни, писатель с энтузиазмом начинает открывать для себя Бангкок. С ним происходит ровно то же, что и с современными туристами: у него не получается полюбить этот город с первого взгляда. Ему претит

нескончаемый шум автомобилей — представьте себе, уже в те годы! — гомон уличной толпы, пыль и полное отсутствие архитектуры, которая могла бы послужить источником вдохновения для его творческой натуры. Даже еда кажется ему пресной, хотя поверить в это тем, кто пробовал острую тайскую кухню, довольно сложно. Да, Моэм испытывал слабость к Юго-Восточной Азии, но не к ее городам. Он писал, что им не хватает истории, традиций и спокойствия. Его утомлял царивший там вечный хаос, мучила удушающая жара, сбивали с толку похожие друг на друга улицы. Он жаждал погрузиться в созерцательную умиротворенность, но обнаружил, что «на Востоке тишины не бывает»*.

И при этом из всех городов к востоку от Суэца писатель выбрал для остановки самый шумный.

Лишь когда с разума Сомерсета Моэма полностью спала пелена малярийного дурмана, ему удалось открыть для себя скрытое очарование Бангкока: зависшие над водой дома, каналы, в которых купаются дети, храмы на берегах реки Чаупхрая. «Как могут такие чудеса существовать на этой мрачной земле?» А еще писатель узнает, что такое «сои», переулки, обнаруживающиеся в самых неожиданных местах. Стоит углубиться в них буквально на несколько метров, как шум остается позади, уступая место неизведанному. Заблудившись в непредсказуемом и чарующем хаосе Бангкока, вы больше не воспринимаете город как грубый и неприветливый; он будто окутывается «мистическим ореолом, заставляя испытывать самое странное из всех чувств, доступных человеку».

Быть может, именно этот мистический ореол, о котором говорил Моэм, и пленил меня в мою первую поездку в Бангкок? Стал ли он причиной того, что мое путешествие

* Перевод А. Ливерганта.

на Восток, которое должно было продлиться шесть месяцев, затянулось почти на два десятилетия? Я никогда не умел объяснить, чем именно меня так восхищает Восток. И почему из тысяч вариантов, которые предлагает Азия, я в качестве места проживания выбрал именно Бангкок. Для тех из нас, кто, подобно Сомерсету Моэму, быстро устает от себя, столица Таиланда подобна чудодейственному бальзаму. Этот город весел, открыт, терпим и, как утверждают некоторые, вздорен. Он не осуждает и не ставит условий. Подстраивается под вас, чтобы дать ровно то, что вы хотите в нем найти. Уезжая из Бангкока, вы чувствуете недосказанность, «словно город скрывает от вас какую-то тайну». И снова и снова возвращаетесь сюда, чтобы попытаться ее открыть.

Моэм и Бангкок были созданы друг для друга: распушенность — и двуликость столицы Таиланда; стремление писателя убежать от общественного порицания — и место, где не судят чужие пороки; жажда совершенства — и прелесть несовершенства; наконец, свойственная этому месту толерантность, готовность угождать гостям, давая им именно то, что им нужно. Надо сказать, что Моэм писал на тему секса гораздо откровеннее своих современников, порой шокируя даже издателей. При этом в Сиаме он нашел такую свободу нравов, о которой в Англии, затянутой в корсет морали и викторианских правил, и мечтать не мог. Неожиданно для себя писатель оказался в стране, где плотские страсти не воспринимались как нечто серьезное. Бангкок был местом, которое английский посол Энтони Рамболд, откомандированный туда в период с 1965 по 1967 год, описал в своей телефонограмме в Лондон так: «У них нет ни литературы, ни живописи, только очень своеобразная музыка. Их скульптура, керамика, танцы заимствованы у других народов, архитектура однообразна, а внутреннее убранство помещений — отвратительно <...> И если основными развлечениями состоятельных сословий

здесь являются азартные игры и гольф, то общим времяпрепровождением для всех без исключения тайцев следует полагать разврат».

Сложно найти более подходящее место для человека, который в тот период одновременно поддерживал романтические отношения со своей супругой, декоратором Сири Вэлком, и с сотрудником Красного Креста американцем Джеральдом Хакстоном. Биограф Моэма Селина Гастингс писала, что Вэлком смирилась с двойной жизнью мужа. Хакстон стал неразлучным спутником Моэма в его путешествии в запретный мир. Он также был телохранителем писателя и организовывал их совместный досуг. Хотя Моэм ни разу не упомянул американца в «Джентльмене в гостинной», Хакстон сопровождал его на протяжении всего пути, и именно благодаря этому обстоятельству путешествие вышло успешным. Открытый характер Хакстона и его умение сходитьсь с людьми удачно компенсировали застенчивость писателя. Вдвоем они открывали для себя не только храмы и затерянные деревушки, но и тот самый эротично-чувственный Восток, образ которого, подпитываемый стереотипами и выдумками, до сих пор живет в воображении западных путешественников. И нигде этот образ не эксплуатируется в такой степени, как в Таиланде.

Первая лицензия на открытие борделя была выдана в 1680 году в Аюттхаве, на тот момент столице королевства Сиам. Во время войны во Вьетнаме в Бангкоке были построены «кварталы красных фонарей», предназначавшиеся для американских солдат, которые приезжали в город в увольнение. Затем этот бизнес набрал обороты и превратился в мощную индустрию, которая магнитом притягивала к себе западных авантюристов, секс-туристов и неудачников любовного фронта, заполонивших страну в поисках второго шанса. Власти смотрели на это сквозь пальцы, и, более того,

в шестидесятые годы XX века один из министров внутренних дел Таиланда по имени Прапат Чарусатьен заявил, что сексуальная свобода весьма способствует экономическому росту. Согласно его замыслу, женщины страны должны были всецело отдаться задаче ублажать иностранцев, а впоследствии, когда придет время, страна найдет способ обелить их репутацию.

Но секс и разврат — не единственное, что влечет мужчин Запада на Восток. Когда, после семи лет в Гонконге, я осел в качестве корреспондента в Бангкоке, то узнал, что сотрудники дипломатического представительства Испании в Таиланде называют его «посольством любви» — из-за огромного числа испанцев, запрашивающих визу для очередной невесты, с которой они познакомились накануне в каком-нибудь баре в Патпонге. Тамошний консул рассказывал мне, что ему приходилось проводить совершенно сумасшедшие собеседования с парами, в которых мужчина ни слова не умел сказать по-тайски, а женщина — по-испански. «Мы разводили их по разным комнатам и опрашивали на предмет несоответствий в истории любви, чтобы убедиться, что речь не идет о фиктивном браке ради визы». В результате, как правило, выяснялось, что они действительно безумно влюблены друг в друга — или, по крайней мере, уверены в этом. Впрочем, большинство мужчин предпочитали не везти свою избранницу домой, а остаться в Таиланде. В Исане, сельскохозяйственном регионе на северо-востоке страны, сплошь и рядом можно было встретить шведских дальнобойщиков, немецких плотников, бывших агентов ЦРУ, итальянских предпринимателей и испанских пенсионеров, строивших новую жизнь с молодыми женами, с которыми они познакомились в баре или по интернету. Заполучить себе мужа из «фарангов» — так в Таиланде называют иностранцев — мечта тысяч здешних девушек. В городах на севере страны продавалось

подробное руководство под названием «Жених-иностранец, муж-иностранец», содержащее советы и рецепты, как заставить себя принять мужа, если он страшный, толстый или старый, а иногда так и всё разом. Автор рекомендовал думать о хорошем: «У них больше денег, и они вернее тайских мужей, готовых переспать с твоей сестрой при первой возможности».

Будучи в столице Исана Удонтхани, я оказался в дилерском салоне моторикш, где познакомился с Энрике Леоном, авиадиспетчером с Канарских островов, не доработавшим до пенсии два года. Дома у него остались бывшая жена и взрослые дети. Энрике пришел в салон, чтобы купить тук-тук для своей новой тайской жены, которая на двадцать восемь лет моложе него. Леон все тщательно спланировал: он приобрел участок земли в деревне своей жены, где проживало не более пятисот человек, и вот уже несколько месяцев строил там дом, где рассчитывал провести остаток дней. Бывший авиадиспетчер рассказал мне, что провел брачную ночь на полу в помещении без электричества и водопровода. Деревня встречала его как спасителя, который принесет в этот забытый богом и туристами уголок благополучие и процветание. Единственной надеждой всех тамошних семей было, что кому-то из дочерей удастся охомутать мужа-фаранга. Пожалуй, это и в самом деле лучше, чем отправлять их на заработки в бангкокские бары, где на них повесят номерок и отправят танцевать перед иностранцами, чтобы те выбрали себе спутницу на ночь.

При этом бывшего авиадиспетчера не сильно волновал тот факт, что, согласно статистике судов Удонтхани, половина смешанных браков заканчивается разводом, нередко разорительным для мужчин, не знающих местных традиций, законов, а также талантов тайских женщин по части изображения влюбленности. Шотландец Чарльз Лоу — одна

из жертв, сполна испивших чашу жестокого разочарования, взявшийся после этого оберегать неопытных иностранцев, — рассказывал мне истории, которых вполне хватило бы на целый сериал: о школьном учителе из Англии, чья невеста сбежала с деньгами, отправленными ей на строительство брачного гнездышка; о человеке, которого чуть не убили новые родственники; о бельгийском пенсионере, который разрешил жене взять в дом якобы оставшегося без работы брата, а потом застукал их в кровати и выяснил, что то был никакой не брат, но первый муж.

Энрике Леон, однако же, и слышать ничего не желал об этих ужасах: «Тайки — женщины покорные, никогда не говорят тебе “нет” и не морочат голову. Она купает меня на ночь, делает мне массаж и стрижет ногти на ногах. Чего еще надо мужчине для счастья?»

К моменту, когда я познакомился с Леоном, правительство Таиланда вот уже несколько лет вело кампанию по обелению репутации тайских женщин, променянной злополучным министром на иностранную валюту. Видимо, кто-то внезапно осознал, что этой стране с райскими пляжами и природой, очаровательными людьми и вкуснейшей едой не обязательно торговать своими женщинами, чтобы привлечь иностранцев. В результате на билбордах на въезде в Паттайю — город на побережье, превратившийся в столицу проституции Азии, — появились фотографии семей, наслаждающихся пляжным отдыхом и аквапарками. Полиция принялась проводить точечные облавы для борьбы с пороком, хотя на деле это была скорее игра на публику, чтобы содрать с соответствующих заведений побольше денег за право сохранить бизнес. Журналисты начали получать звоночки от властей о том, что им не стоит писать статьи о проституции — излюбленной теме всех новоприбывших. Как-то утром меня разбудил звонок от инспектора полиции. С подозрительной загадоч-

ностью в голосе он сообщил, что хочет обсудить со мной один деликатный вопрос. По дороге на встречу я судорожно ломал голову, какие преступления мог совершить в недавнем прошлом. Дал взятку дорожной полиции, чтобы не платить штраф? Слишком банально. Проблемы с налоговой? Мне был знаком только один иностранец, который вообще платил хоть какие-то налоги, и это был я сам. За несколько дней до звонка вышла моя статья с критикой в адрес монархии, к которой в Таиланде относятся с религиозным трепетом, и я решил, что речь пойдет об этом. Но не угадал. В тот год муссоны принесли много дождей, и город сильно затопило. Большинство экспатов отправили свои семьи в Европу или США. Люди перемещались по улицам на надувных лодках и плотам. Меж тем бордели продолжали работать. И я написал заметку для ежедневной газеты, рассказав, что хозяева борделей — единственные, кто умудряется извлекать барыши среди полной разрухи, поскольку экспаты, эвакуировав свои семьи, вовсю наслаждались прелестями холостяцкой жизни. В высшей степени любезный инспектор, отлично владевший английским языком, сделал мне предложение, от которого было сложно отказаться. Он сказал, что правительство будет мне крайне признательно, если я откажусь от упоминания «кварталов красных фонарей» в своих статьях, взамен же я могу рассчитывать на некоторые преференции: «Если вы вдруг попадете в беду, просто позвоните мне, и мы все решим». До сих пор я храню его визитную карточку на случай, если полиция вдруг позвонит мне по более серьезному вопросу.

Сомерсет Моэм покинул Бангкок, не оставив потомкам описания пикантных подробностей своих приключений. Отсюда он направился в Камбоджу, достигнув через тридцать шесть часов пути провинции Каеп и двинувшись далее в Пномпень. Там Моэм заселился в грязный, но претенциозный отель

с террасой, призванной, по словам писателя, помочь постояльцам ненадолго забыть, что они находятся вдали от Франции. Моэм жаловался, что Камбоджа не сохранила почти ничего из своего прошлого — беда многих азиатских столиц. Храмы и дворцы — исключение, они обычно стоят до тех пор, пока их не сожгут в момент бунта против очередного сатрапа; в целом же азиаты не слишком высоко ценят свое культурное и архитектурное наследие. Великий итальянский путешественник и журналист Тициано Терцани сказал как-то, что для азиатов будущее куда важнее прошлого, на которое у них просто нет времени. Старина для них — синоним нищеты, они легко могут снести район с тысячелетней историей, чтобы построить его небоскребами из стекла и бетона, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести. От французского колониального района Пномпеня, к примеру, нетронутым осталось только здание Центральной почты, да и то частично. Пекин снес большую часть своих традиционных районов, так называемых хутунов. Сингапур, некогда рыбацкая деревня, превратился в закатанный в цемент мегаполис, напичканный высокими технологиями и деньгами. За последние пятьдесят лет Азия пережила самый большой и самый стремительный рост за всю историю человечества, не оставивший ее обитателям времени на сожаления и рассуждения об эстетике. Возвращаясь в деревни и села, которые ты видел какие-то лет десять назад, обнаруживаешь на их месте большие города, забитые автомобилями и небоскребами. Весьма условные градостроительные нормы, ненасытность акул строительного бизнеса и коррумпированность политиков сделали многие из этих городов невыносимыми для жизни тех, кто ценит спокойствие, здоровье и неспешный ритм жизни.

Пномпень, впрочем, до недавнего времени оставался местом медитативно-беззаботным, заслуживавшим того, чтобы в нем остановиться. Когда я попадаю туда, обязательно

вызываю своего водителя и хорошего друга Вичеа и всегда закрываю четыре пункта своей программы. Во-первых, посещаю музей «Туолсленг», или «Тюрьма безопасности 21», где в эпоху геноцида красные кхмеры казнили тысячи заключенных. Это место помогает мне не забывать о тьме, которая неустанно поджидает человечество. Во-вторых, захожу в бар Elephant в отеле Raffles, где меня не оставляет ощущение, что вот-вот откроется дверь и внутрь впорхнет Жаклин Кеннеди. В-третьих, провожу первую половину дня, торгуясь на Русском рынке, чтобы не уезжать с пустыми руками. И непременно отправляюсь прогуляться вдоль реки Тонлесап, чтобы поглядеть, как, ближе к вечеру, оживают ее террасы, и совершить некогда обязательный визит в «Клуб иностранных корреспондентов». Для меня это заведение — символ того, что сегодня переживают журналистика и туризм, окончательно смешавшиеся здесь друг с другом. Этот клуб, предлагающий гостям невкусную еду по заоблачным ценам, уже давно перестал быть вотчиной журналистов — вместо них здесь туристы. Поэтому его посещение лишь дань ностальгии, заранее обреченная на провал попытка вернуться в те времена, когда за барной стойкой можно было столкнуться с фотографом Элом Рокоффом, тем самым, которого в «Полях смерти» сыграл Джон Малкович. А может, я стремлюсь туда, чтобы хоть чуточку, но побыть желчным и циничным путешественником, без конца твердящим о том, как прекрасно (якобы) все было в прежние времена.

— Эй, Джонни, а помнишь, каким было это место когда-то?

— Не-а.

Неподалеку от «Клуба иностранных корреспондентов» расположился королевский дворец. Моэма не впечатлили ни само здание, ни его обитатели: «декоративная монархия». Он обнаружил, что дворец забит разным барахлом, и обратил

особое внимание на трон, буквально вопиющий о чрезмерной роскоши, — еще одно доказательство эфемерной природы всех империй. Кстати, есть одна интересная история о нынешнем обитателе дворца, которую мало кто слышал и которую я обещал никому не рассказывать. Хотя, пожалуй, прошло уже достаточно времени, и вряд ли моему источнику что-то угрожает. Да, да, я знаю, что это звучит как старая журналистская отмазка. Так или иначе, источник был вполне достойный доверия. Так вот, штука в том, что действующего короля Нородома Сиамони чуть ли не насильно принудили занять престол, на который он никогда и не претендовал. Когда его отец, король Нородом Сианук, порядком одряхлел и стал слаб здоровьем, выяснилось, что его сын живет в Париже со своей второй половинкой, ведет скромную жизнь преподавателя классического танца, не вылезает из театров, наслаждается путешествиями по Европе и назад не собирается. Все просьбы своего отца вернуться он игнорировал, и тогда тот попросил его просто приехать проститься перед смертью. Как только наследный принц переступил порог дворца, отец приказал отнять у него заграничный паспорт, отрекся от престола и заставил сына стать королем. Лишенный харизмы своего отца, Сиамони стал фигурой символической и церемониальной. С тех пор как мне поведали историю его восхождения на трон, каждый раз, когда я его вижу, мне кажется, я знаю, о чем он думает: «Эх, сейчас бы бросить все — и в Париж! Вот ведь была жизнь!»

Сомерсет Моэм не стал задерживаться в Пномпене, потому что на самом деле приехал в Камбоджу из-за Ангкора, но добраться туда в те времена было непросто. Писатель провел в дороге несколько дней, сменив три лодки и проделав последнюю часть пути на автомобиле — вдоль одного из притоков реки Меконг. Сегодня же достаточно сесть рано утром на самолет в Бангкоке — и еще до обеда вы окажетесь у под-

ножия храмов. Разглядеть их, правда, будет нелегко: чтобы подойти поближе, гидам приходится прокладывать себе путь сквозь толпы туристов буквально локтями.

Кхмерская империя, просуществовавшая с 802 по 1431 год, раскинулась на территории современных Камбоджи, Таиланда, Лаоса, Вьетнама и Мьянмы. Ее столица была самым густонаселенным городом в мире: на площади, сравнимой по размерам с площадью Нью-Йорка, проживало около миллиона человек. По эффективности и надежности городской инфраструктуры она превосходила многие крупные мегаполисы современности, особенно азиатские. Однако ж пробил роковой час — и все рухнуло. Я говорю не о храмах, которые никуда не делись и которые не боятся ни муссонов, ни буйнорастущих джунглей, — а о той цивилизации, что возвела их. Практически каждый год очередная группа исследователей оглашает очередную теорию заката кхмерской империи, называя в качестве причины то войну, то эпидемии, то засуху, то нашествие разного рода вредителей. Никто из жителей той империи не оставил нам письменных свидетельств, которые поведали бы об обрушившихся на них бедах. Моэм предположил, что объяснением всему могла быть самая банальная из всех человеческих слабостей: почивавшую на лаврах кхмерскую империю погубило ложное ощущение самоуспокоенности. С высот Ангкора можно было катиться только вниз.

Потрясенный свидетельствами былого величия, Моэм написал, что ему хотелось бы посетить эти храмы в сопровождении философа, чтобы тот объяснил: почему, даже познав возвышенное, человек рано или поздно готов довольствоваться всего лишь комфортным и посредственным. Неужели наше естественное состояние — пребывать на нижней планке цивилизации, а достигнув однажды высоты и воспарив над обыденностью, мы покоряемся своей природе и «с облегче-

нием возвращаемся к состоянию, лишь немногим превосходящему животное»? Великолепие Ангкора производит тот же эффект, что египетские пирамиды: волей-неволей начинаешь сравнивать эти удивительные строения, воздвигнутые без использования современных технологий, с жалким видом нынешних городов в тех же краях. Это противоречие терзает Моэма: «Может, обстоятельства или личный гений толкают человека наверх, позволяя подняться ненадолго на высоту, но там ему слишком сложно дышать, — и поэтому он стремится вернуться вниз, к привычной посредственности? <...> Или же человек подобен воде, которая под напором может забить и на высоте, но тут же стекает вниз, стоит напору исчезнуть?»

Когда жители Ангкора погибли или покинули город, над городом воцарилась тишина, а затем это место поглотили джунгли. И лишь громады храмов да запечатленная в камне история правителей, танцовщиц, влюбленных и воинов застыли в вечности. Первые исследователи и миссионеры попали сюда в XVI веке. А о здешних храмах Запад узнал только в XIX веке из работ французского путешественника и естествоиспытателя Анри Муо, поведавшего о «глубоком спокойствии» окружавшего Ангкор леса в своей книге «Путешествие в королевства Сиам, Камбоджа, Лаос и другие центральные страны Индокитая» (*Voyage dans les royaumes de Siam*).

Из всех храмов мне больше всего нравится Та-Пром, словно бы заживо пожираемый корнями деревьев, стремящимися удушить его. Как-то — еще до того, как туризм здесь стал массовым, — мне удалось посетить Та-Пром в полном одиночестве. Я бродил по нему под шум ветра и слушал, как древние камни рассказывают истории о героических сражениях, битве между человеком и природой, борьбе за выживание и ложных надеждах. Затем я направился к храму Ангкор-Ват,

возвышавшемуся вдаль, в плену у воды и зелени. Его стены казались влажными. Людей почти не было. Я сел у подножья храма и попытался представить, какой была жизнь в исчезнувшей империи. Едва ли она так уж сильно отличалась от нашей. Те же интриги, соперничество и неудовлетворенные амбиции. Те же эпидемии. Та же ложь, слухами распростиравшаяся по улочкам города. Точно так же вспыхивали и угасали дружба и любовь. Люди предавали друг друга. Вели войны с соседями, а затем договаривались о мире. Горожане наверняка жаловались на начальство и коррупцию. Люди говорили о погоде, когда больше не о чем было говорить. И они испытывали такую же боль, как мы, когда теряли своих возлюбленных, страдали от разлуки и переживали измены. Кто-то витал в эмпиреях, другие копошились внизу. Мы не слишком изменились.

Порой даже такие утонченные и не склонные к импульсивным поступкам люди, как писатель Андре Мальро, не могли устоять перед искушением увезти на память домой кусочек Ангкора. 3 августа 1924 года в парижской газете *L'Éclair* вышла статья под заголовком «Поэт Мальро ограбил храмовый комплекс в Ангкоре». В ней рассказывалось, что Мальро выломал несколько барельефов в храме Бантеайсрей, причем произошло это примерно в те же дни, когда в Ангкор приехал Моэм. Надо полагать, на состоявшемся впоследствии во Вьетнаме суде французский писатель оправдывался тем, что таков уж «удел человеческий»*. Мальро приехал в Камбоджу с женой и другом детства, чтобы развеяться после неудач, которые он потерпел в бизнесе. Когда его арестовывали за попытку вывезти из страны четыре барельефа

* «Удел человеческий» (*La Condition humaine*, 1933) — один из самых известных романов Андре Мальро, удостоенный Гонкуровской премии. — *Прим. ред.*

в индуистском стиле, он заявил в свое оправдание, что намеревался таким образом спасти культурные ценности Ангкора. Со временем все забылось, более того — в Сиамреапе, городе, где размещаются туристы, приехавшие в Ангкор, открыли модный ресторан, назвав его именем Мальро. Камбоджийцы не помнят зла, хотя в стране этой его совершалось немало.

Простила Мальро и родная Франция, назначив писателя министром культуры в правительстве Шарля де Голля. В конце концов, кто мог справиться с обязанностями министра культуры лучше человека, который до такой степени помешан на искусстве, что готов был утащить во Францию кусочек Ангкора под мышкой? Кто из нас не мечтал бы, чтобы современные политики воровали столь же изысканно? Ангкор был для Мальро вершиной культуры — тем, что «остается живым после смерти». Он видел в его руинах не упадок, но величие, воспринимал их не как груды камней, а как образчик высокого искусства и полагал, что они олицетворяют собой не слабость, а силу рода человеческого. И, ощутив на фоне подобного величия свое убожество, писатель позволил себе опуститься до банального воровства.

Храм, что ввел будущего министра во искушение, расположен неподалеку от холма Пном-Дей и был построен женщинами в X веке. Его стены из красного песчаника украшены искусными барельефами, посвященными богу Шиве и изображающими сцены из индуистской мифологии. Здание храма сориентировано на восток и окружено тем же ореолом таинственности, что и остальной Ангкор. Я буквально сгорал от любопытства и хотел во что бы то ни стало посетить его. Но, увы, так и не ощутил желания прихватить с собой что-нибудь на память. К счастью, с годами страсть украшать гостиную своего дома памятными сувенирами из разных поездок улетучивается. На стенах моей первой азиатской квартиры в Гонконге висели бумеранги из Австралии, маска с носом

в форме фаллоса из Бутана, марионетка с Бали и множество других безделушек, недвусмысленно намекавших, что все эти места я посетил самолично. В то время я страдал чем-то вроде синдрома путешественника, которому страшно хочется, чтобы гости взялись расспрашивать его о том, куда еще заносила его судьба. Но в один прекрасный день я избавился от всех этих вещей, оставив себе только увесистую статуэтку Будды, которой было удобно подпирать книги на полках, — и с этого момента наконец почувствовал себя свободным. Можно даже сказать — реабилитировался. Отныне я мог говорить себе, что я все же лучше современных туристов, которых хлебом не корми дай нацарапать свое имя на памятниках истории. Всех этих людей, которые не в состоянии уразуметь, что значит «проход запрещен». Тех, кто карабкается на разваливающиеся храмы Ангкора, чтобы сделать селфи, игнорируя предупреждающие знаки. Я не хочу возвращаться в Ангкор, мне больше по душе мои воспоминания о тех временах, когда тамошние храмы можно было посещать в гордом одиночестве, воображая, пусть ненадолго, что все это принадлежит одному мне. Какой смысл любоваться шедевром, созданным для благоговейного созерцания в тишине, когда вокруг гвалт, очереди и сутолока?

Сомерсет Моэм не дожил до того, чтобы своими глазами увидеть, до какой степени точно сработала на территории древней Кхмерской империи его теория о врожденной склонности человека покинуть горные выси ради того, чтоб устремиться вниз. Он посетил эту страну в эпоху французского протектората. Во время Второй мировой войны ее захватила Япония, затем она снова вернулась под контроль Франции, после чего обрела независимость — в 1953 году, в период правления Нородома Сианука. Да-да, того самого короля, который впоследствии похитил собственного сына, чтобы посадить его на трон. Вмешательство США, поддержавших государ-

ственный переворот против монархии и бомбивших позиции партизан во время Вьетнамской войны, способствовало появлению движения красных кхмеров во главе с кровавым Пол Потом. Вслед за его приходом к власти в 1975 году началась принудительная высылка людей из городов в сельскую местность, были казнены тысячи противников режима, разразился экономический кризис и произошел настоящий голод, стоивший жизни одной пятой части населения страны. Каждый раз, когда я попадаю в «Тюрьму безопасности 21», из четырнадцати тысяч заключенных которой на свободу живыми вышли лишь семеро, я разыскиваю принадлежащую одному из этих счастливиц, по имени Бу Менг, лавочку. Он зарабатывает себе на жизнь, продавая туристам ксерокопии своей биографии и фотографируясь со всеми желающими в камере, где его когда-то держали. В последнюю нашу встречу Бу пожаловался на то, что и он сам, и другие выжившие в этом месте очень постарели и что скоро некому будет поведать миру их историю.

— Но ведь есть же еще ваши книги, — возразил я.

— С каждым днем их покупают все меньше, — ответил он. — Скоро они будут никому не нужны.

Я отошел в сторону, чтобы пропустить туристов, рыщущих в поисках сувениров, и задумался: следовало ли превращать «Тюрьму безопасности 21» в очередной туристический аттракцион? С одной стороны, это, надо полагать, помогло рассказать людям об ужасах геноцида. С другой, несомненно, тривиализовало трагедию. Впрочем, пожалуй, я готов признать, что решение сохранить память о произошедшем было верным. Если уж мы отдаем на растерзание толпам туристов самые удивительные творения рук человеческих, самые девственные уголки нашего мира и невероятные пейзажи, то почему бы не показывать им и следы самых жутких преступлений человека? Стены тюремных коридоров завешаны

фотографиями, с которых на нас с испугом смотрят те, кому вот-вот предстоит умереть. После прогулки по этому зданию легко представить себе, что Сомерсет Моэм увидел бы в камбоджийском геноциде один из примеров того, сколь легко человек достигает самого дна бездны. Мне, впрочем, хочется верить, что он ощутил бы и оптимизм — и сказал, что, упав на дно, человек снова устремляется вверх, в полет. Заново, еще раз.

Моэм продолжил свое путешествие, направившись во Вьетнам, где задержался очень ненадолго. Ханой не вызвал у него никакого особого энтузиазма. И даже ослепительно красивая бухта Халонг с ее изумрудно-зелеными водами и торчащими из них островами, похожими на каменных великанов, тоже показалась ему скучной. Уставший от переездов писатель добрался до Хайфона, и там его поджидал сюрприз. Во время трапезы к нему подошел официант и сказал, что его желает видеть некий джентльмен. Этим джентльменом оказался Гросли, с которым они когда-то вместе изучали медицину в больнице Сент-Томас. Выяснилось, что тот уже пять лет живет в этом вьетнамском портовом городе и хотел бы пригласить Моэма отужинать у себя дома. Он познакомил писателя со своей вьетнамской женой и предложил опиум. У Моэма еще были свежи воспоминания о неудачном опыте, пережитом в Сингапуре. В тот раз наркотик сначала доставил ему удовольствие, но на следующий день Моэм проснулся с жесточайшим похмельем, его выворачивало наизнанку. Поэтому он отклонил предложение, заметив, впрочем, что хозяин дома может не стесняться его присутствием. В тот же момент откуда-то вынырнула старуха с подносом. Встав на колени рядом с Гросли, женщина приготовила зелье.

Гросли поведал Моэму о своей жизни, полной успехов и неудач. Он провел двадцать лет в Китае, работая тамо-

женником в порту, и смог сколотить небольшое состояние. Моэм подозревал, что источником его доходов была контрабанда опиума. Затем Гросли затеял торговлю антиквариатом — вполне легальный бизнес. Как и у многих других европейцев, живущих на Востоке, у него была мечта однажды вернуться домой — успешным и уважаемым человеком. Гость слушал хозяина дома и думал о том, что люди гораздо интереснее книг, с одной лишь оговоркой: в их случае ты вынужден читать все целиком, не имея возможности пропустить абзац-другой, пока дойдешь до интересного места. Считал ли Моэм, что это относится и к нему самому? Его жизнь была не особенно простой — пусть даже ему никогда не приходилось знать нужду. Уильям Сомерсет Моэм родился в британском посольстве во Франции и осиротел в неполные двенадцать лет. О своей матери он говорил, что она была его единственной подлинной любовью. Нигде — ни дома в Лондоне, ни в люксе гостиницы Oriental — он не расставался с ее фотографией. Писать Моэм начал с детства — и качество своей прозы проверял на одноклассниках, дразнивших его из-за заикания. Хороший опыт, чтобы отточить мастерство сарказма, которым буквально дышит все его творчество. Позже он выучился на врача и служил в годы Первой мировой войны в Красном Кресте. Затем был завербован британской разведкой, чтобы работать в России. Потом опубликовал первое из своих великих произведений, «Бремя страстей человеческих». Поставил двадцать четыре спектакля по своим пьесам. Писал патриотические речи для поднятия боевого духа союзников во время Второй мировой войны. И наконец, закончил сценаристом для Голливуда. Несмотря на свою плодовитость, сам он считал себя писателем ограниченного таланта и человеком недостаточно творческим. Ему, как он сам говорил, приходилось компенсировать нехватку воображения жизненным опытом. Именно поэтому Моэм